

М. Н. Тихомиров в 1939 году станет доктором исторических наук (за «Исследование о «Русской Правде»»), в 1940-м – выпустит курс лекций по источниковедению, который будет первым в советское время опытом создания учебного пособия на эту тему, а уже академиком, в 1958 году, совершит поездку на Чудское озеро, задумав большое стихотворение (*или поэму*) «Александр Невский».

1. Дубровский, А. М. Историк и власть / А. М. Дубровский. – Брянск : Изд-во БГУ, 2005. – 800 с.
2. Козаченко, А. И. Замечательный исторический урок. Ледовое побоище и Невская битва / А. И. Козаченко // Исторический журнал. – 1937. – № 3–4. – С. 156–164.
3. Козаченко, А. Ледовое побоище / А. Козаченко. – М. : ОГИЗ: Госполитиздат, 1938. – 56 с.
4. Кривошеев Ю. В. «Александр Невский»: создание киношедевра. Исторические очерки / Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов. – СПб. : Лики России, 2012. – 400 с.
5. Литературная газета. – 1938. – 26 апреля.
6. Михаил Николаевич Тихомиров. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 72 с.
7. Новые произведения П. Павленко. Из беседы с писателем // Литературная газета. – 1937. – 11 октября – № 55.
8. Павленко, П. Русь. Литературный сценарий (Сделан совместно с режиссером С. М. Эйзенштейном) / П. Павленко // Знамя. – 1937. – № 12. – С. 102–136.
9. Соколов, Р. А. Первоначальный сценарий П. А. Павленко к кинофильму «Александр Невский» / Р. А. Соколов // Изв. Сам. науч. центра РАН. – 2015. – Т. 17. – № 3 / 2. – С. 503–506.
10. Тихомиров, М. Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») / М. Н. Тихомиров // Историк-марксист. – 1938. – № 3. – С. 92–96.
11. Тихомиров, М. Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») / М. Н. Тихомиров // Древняя Русь. – М. : Наука, 1975. – С. 375–380.
12. Эйзенштейн, С. М. Избранные произведения : 6-ти т. / С. М. Эйзенштейн. – М. : Искусство, 1964–1971.

Монзуль В. Ю.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЦЕНЗИЙ В КАЧЕСТВЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА)

Рецензии, публикуемые в научных журналах, являются ценными историографическими источниками и, по мнению некоторых теоретиков источниковедения, самостоятельными историографическими фактами [1]. Вместе с тем, исследователи довольно редко используют этот вид источников при изучении историографии. Важнейшими причинами недооценки значения рецензий являются, во-первых, традиция изучения историографии непосредственно по работам исследуемых авторов, во-вторых, существование объективных трудностей при выявлении рецензий на изучаемые работы, в-третьих, малоинформативность некоторых откликов: например, хвалебные отзывы, написанные коллегами и друзьями авторов, составляют немалую долю опубликованных рецензий, но редко выполняют конструктивно-критическую функцию. Представляется, что последние две причины в значительной степени зависят от научных традиций в исследуемой области, а привлечение рецензий не отменяет, а лишь дополняет изучение оригинальных работ.

Рассмотрим перспективы применения рецензий в качестве источника в историографическом исследовании на примере изучения опубликованных откликов на монографии трёх крупных антиковедов XX в., заложивших фундамент просопографического направления в изучении истории Древнего Рима: Маттиаса Гельцера (1886–1974), Фридриха Мюнцера (1868–1942) и Рональда Сайма (1903–1989) [4; 9; 13]. С XIX в. древнеримской историей интересуются во множестве университетов по всему миру, что всегда подталкивало исследователей к активному написанию рецензий, а научные журналы – к их публикации. Благодаря этому сложился большой массив рецензий, что позволяет применять самые разные методы работы с этим видом источников. Современные исследователи поставлены в удобные условия для анализа, поскольку номера большинства антиковедческих научных журналов оцифрованы.

В качестве успешного примера применения рецензий в исследованиях по историографии античности можно назвать опубликованную в 1986 г. статью Р. Ридли «Генезис поворотного момента: «Нобилитет» Гельцера» [12]. На богатом материале Р. Ридли исследовал непростую судьбу рецепции идей М. Гельцера, изложенных в фундаментальной монографии 1912 г. «Нобилитет Римской республики» [4]. Изучив рецензии на эту монографию, исследователь пришёл к выводу, что среди них было немало негативных отзывов, а нейтральные отзывы нередко были довольно поверхностными и сосредотачивались на второстепенных аспектах работы [12, р. 497–502]. Австралийский исследователь подтвердил и обосновал устоявшийся тезис об ограниченном влиянии идей швейцарско-немецкого историка в первые годы после публикации его *opus magnum* (отметим, впрочем, что Первая мировая война прервала научную дискуссию, что могло негативно повлиять на квалифицированную оценку монографии). Далек не все современники увидели в монографии серьёзные теоретические наработки, открывшие новые пути изучения древнеримского общества: австралийский историк выявил всего трёх рецензентов, которые, по его мнению, в пол-

ной мере оценили работу М. Гельцера. Выводы Р. Ридли содержат ряд интересных наблюдений как о конкретных проблемах рецепции идей М. Гельцера, так и о некоторых чертах антиковедения и научной коммуникации в начале XX в., тем самым подтверждая важность и перспективность применения рецензий в историографических исследованиях.

Непростая судьба постигла и монографию Ф. Мюнцера, одного из наставников М. Гельцера и, одновременно, его первого последователя. Долгое время его знали как составителя статей в фундаментальной энциклопедии антиковедения «*Pauly-Wissowa*», а его монография 1920 г. «Римские аристократические партии и семьи» [9], серьёзно развивавшая некоторые положения М. Гельцера, была маловостребованной в первые годы после публикации. Систематическое изучение рецензий на эту монографию позволяет не только подтвердить известный в историографии факт медленного признания и принятия идей Ф. Мюнцера, но и добавить несколько штрихов к рецепции монографии. Так, одним из первых, в 1921 г., положительный отзыв написал М. Гельцер [3]. В 1925 г. произошёл редкий в истории науки случай: Ф. Мюнцер написал рецензию на свою монографию для «Ежеквартальника социальной и экономической истории» [10]. Поскольку у историка не было острой потребности в написании авторецензии (например, бурной полемики, которая могла бы вынудить его прояснить свою позицию), то уместно предположить, что автор надеялся таким образом популяризовать свои идеи.

Систематическое изучение рецензий подтверждает известные тезисы о небольшой востребованности теоретических построений М. Гельцера и Ф. Мюнцера и малой популярности просопографических исследований за пределами немецкоязычной историографии в 1920–1930-е гг. Выводы немецких историков переосмыслил и развил британский историк новозеландского происхождения Р. Сайм, монография которого «Римская революция» была опубликована в 1939 г. [13]. Первые отзывы на эту монографию были весьма разнонаправленными. Ряд рецензентов высоко оценил работу, верно поняв её теоретическую подоплёку, и весьма благосклонно были приняты выводы Р. Сайма о принципе Августа [5; 11; 14]. Бельгийский учёный П. Лампрехтс, критикуя Р. Сайма за огрехи в структуре сочинения, не соглашаясь с ним по частным вопросам и указывая на недочёты в реконструкции биографий отдельных сенаторов, всё же признаёт его сочинение «очень оригинальным и очень важным» [6].

На «Римскую революцию» писались и остро критические рецензии, вскрывавшие недостатки монографии. Так, Д. Макфейден, отстаивая решающее значение в качестве факторов римской политики фундаментальных процессов, а не семейных интриг, выступил категорически против редуцирования истории Римской республики до клановой вражды. В частности, американский историк назвал доведением до абсурда низведение крупнейшего римского реформатора Тиберия Гракха до уровня пешки в противостоянии знатных семей [7, р. 38–39]. А. Уинспир критиковал «Римскую революцию» с марксистских позиций и возмущался безапелляционными формулировками автора [15]. Наиболее фундаментальными представляются возражения А. Момильяно, который усомнился в необходимости широкого внедрения просопографического подхода в изучение римской истории и, особенно, для описания столь сложного процесса, как революция. Он отметил полное игнорирование Р. Саймом позиции народных масс в римской истории и указал на недостаточное освещение материальных и духовных интересов римских нобилей. А. Момильяно обратил внимание на необходимость более глубокого раскрытия исторического контекста, экономических аспектов системы патроната-клиентелы и объяснения некоторых важных противоречий. Например, рецензент обратил внимание, что в изображении Р. Сайма институт патроната и клиентелы поначалу был фундаментом могущества сенатской аристократии, а затем стал её могильщиком [8, р. 76–78]. Необходимо подчеркнуть, что некоторые замечания А. Момильяно предвосхитили позднейшую развёрнутую критику основных постулатов просопографического направления. Это позволяет утверждать, что системные недостатки новой парадигмы были заметны с самого её становления, а накопление противоречивых выводов лишь подтолкнуло поиски новой парадигмы исследований древнеримской политики. В 1947 г. советский историк Н. А. Машкин опубликовал обстоятельную рецензию на «Римскую революцию» в «Вестнике древней истории». Советский историк ссылаясь и на некоторые из упомянутых выше рецензий, что существенно обогатило его публикацию. Вывод исследователя был закономерен для советской историографии: несмотря на все достоинства монографии, Р. Сайм не смог увидеть социально-экономическую основу исторического процесса, из-за чего книга «оказывается в конечном счёте несостоятельной в объяснении падения республики и установления принципата» [2].

Таким образом, рецензии могут быть использованы для повышения научного уровня историографических исследований. Анализ использования рецензий в качестве источников позволяет выделить два условия, соблюдение которых необходимо для их применения в исследованиях. Во-первых, анализируемые работы должны быть содержательными, т. е. не ограничиваться пере-

сказом содержания или похвалой автору за проделанный труд. Мнение рецензента по конкретным вопросам, изученным в рассмотренной работе, само по себе может являться значимым для историографии вопроса. В этом отношении критические, полемические публикации оппонентов Р. Сайма существенно более ценны, нежели одобрительные отзывы. Во-вторых, исследователю необходимо иметь представление о сущности историографической полемики на момент публикации рецензируемой работы, чтобы понимать контекст критических замечаний. Рецензенты, обладая сложившимися взглядами по некоторому вопросу, оценивают новые исследования (особенно прорывные) на предмет их новизны. Консерватизм заставлял некоторых историков занимать настороженную позицию по отношению к новым идеям и кропотливо искать недостатки в новых концепциях. Рецепция идей М. Гельцера и Ф. Мюнцера демонстрирует, что лишь немногие исследователи приняли взгляды авторов новых монографий в первые годы после их публикации, более того – первые рецензенты не всегда верно понимали сущность их идей. Представляется, что широкое использование рецензий на монографии при соблюдении названных условий позволяет повысить информативность историографических исследований, проследить рецепцию научных трудов и изучить особенности научной коммуникации среди историков.

1. Ипполитов, Г. М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – Т. 15. – № 1. – С. 184–195.
2. Машкин, Н. А. Рецензия: Ronald Syme. The Roman Revolution / Н. А. Машкин // Вестник древней истории. – 1947. – № 1. – С. 116–123.
3. Gelzer, M. Die Entstehung der römischen Nobilität: Römische Adelsparteien und Adelsfamilien (F. Münzer) / M. Gelzer // Historische Zeitschrift. – 1921. – Bd. 123. – S. 1–13.
4. Gelzer, M. Die Nobilität der römischen Republik / M. Gelzer. – Leipzig; Berlin : Teubner, 1912. – 120 s.
5. Giles, A. F. Dux and Princes (Review: The Roman Revolution by R. Syme) / A. F. Giles // The Classical Review. – 1940. – Vol. 54, No. 1. – P. 38–41.
6. Lambrechts, P. Revue: The Roman Revolution (R. Syme) / P. Lambrechts // L'Antiquité Classique. – 1942. – T. 11, Fasc. 1. – P. 147–151.
7. McFayden, D. Review: The Roman Revolution by R. Syme / D. McFayden // The Classical Journal. – 1942. – Vol. 38, No. 1. – P. 38–40.
8. Momigliano, A. Review: The Roman Revolution by R. Syme / A. Momigliano // The Journal of Roman Studies. – 1940. – Vol. 30, Part 1. – P. 75–80.
9. Münzer, F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien / F. Münzer. – Stuttgart : Metzler, 1920. – 437 s.
10. Münzer, F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien (Friedrich Münzer) / F. Münzer // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. – 1925. – 18. Bd., H. 3 / 4 – S. 397–399.
11. [R. L. R.] Review: The Roman Revolution by R. Syme // Greece & Rome. – 1940. – Vol. 9, No. 26. – P. 123–126.
12. Ridley, R. T. The Genesis of a Turning-Point: Gelzer's "Nobilität" / R. T. Ridley // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. – 1986. – Bd. 35, H. 4. – P. 474–502.
13. Syme, R. The Roman Revolution / R. Syme. – Oxford : Clarendon Press, 1939. – 568 p.
14. Wannemacher, W. L. Review: The Roman Revolution by R. Syme / W. L. Wannemacher // The Classical Weekly. – 1940. – Vol. 34, No. 2. – P. 18–19.
15. Winspear, A. D. Review: The Roman Revolution by R. Syme / A. D. Winspear // American Sociological Review. – 1941. – Vol. 6, No. 1. – P. 123–125.

Норкин В. С.

СОЧИНЕНИЕ Г. Ф. ЛОГИНОВА «ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ ПОМОРЦЕВ БРАЧНОГО СОГЛАСИЯ ГОРОДА КУРГАНА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Актуальность исследования истории становления и развития старообрядчества на Южном Урале и Зауралье обусловлена тем, что история развития одного из самых древних пластов русской культуры – старообрядчества всегда шла бок о бок с историей развития крестьянской письменности и традиционной книжной культуры. Традиционная книжная культура и крестьянская письменность Южного Урала и Зауралья представляет особый интерес для современного исследователя. Ведь книжная культура и памятники крестьянской письменности представляют особые символические знаки, шифры с помощью которых общество может приобщаться культурным ценностям и категориям. Изучение книжных памятников конкретного региона позволяет понять и проанализировать сложные социальные, культурные и религиозные процессы, которые формировали культуру данного региона и которые стали культурными кодами для грядущих поколений жителей региона. Территориальные коллекции книжных памятников традиционной культуры и крестьянской письменности были скрупулёзно собраны в результате полевых исследований сотрудниками ЛАИ УрГУ. На основе этой масштабной работы был создан фонд рукописных и старопечатных книг ЛАИ. Среди ряда коллекций необходимо выделить две основные, касающиеся темы данной работы, это Челябинская и Курганская коллекция рукописных и старопечатных книг. Курганская коллекция рукописных и старопечатных книг была описана и проанализирована группой